

Сергей Монастырский

Чума

18+

Сергей Семенович Монастырский

Чума

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63731396

SelfPub; 2021

Аннотация

Страшная болезнь носилась над городом. Все о ней знали, Ее боялись. Но что было делать? Ложиться в гроб? Город жил своей жизнью.

Сергей Монастырский

Чума

Над городом носилась чума. Ее никто не видел, она не витала тучами над головами, не пряталась черными клубами в подворотнях, не проливалась вместе с дождем, но все знали она здесь, она везде, и удастся ли ей проникнуть в твои легкие – дело случая. А может быть, дело везенья, и каждый, конечно, думал, что повезет именно ему. Что вот этот- идущий навстречу человек- сейчас упадет, и может быть, уже не поднимется, а уж он то, он то, прошедший мимо и дойдет до своего дома и будет сегодня ужинать, и за ужином соберется вся семья, и никто не пропадет!

А впрочем, многие и не думали ни о чем таком, город был полон веселых, беззаботных людей, спешивших по своим делам, как будто и не было в городе ничего этого, ну, вернее, где – то, конечно есть, но это там, не у них.

А там, не у них, вот буквально за стенами этого дома, задышаются и корчатся в горячем бреду уже подхватившие эту чуму люди. А там, за стенами десятков больниц, на кислородных аппаратах, с черными масками на лице задышаются в мучительной агонии другие. И палаты ими переполнены, и коридоры, и морги в подвалах полны телами в черных запечатанных мешках и врачи в каких – то защитных космических скафандрах беспомощно бегают по коридорам больниц

и тоже падают, и тоже умирают...

Иван Петрович почти физически чувствовал, как жизнь его уходит как песок сквозь пальцы, и отстукивают последние дни, и может быть часы...

Конечно, он, как и любой пожилой уже человек, знал, что когда-нибудь умрет, что жизнь не вечна. Да, это будет, но будет когда-нибудь, у всех будет когда-нибудь, но уж никак не ожидал, что это когда-нибудь, случится вдруг, случится, не спрашивая, не предупреждая...

Когда-то он думал, как будет умирать, и ему представлялось, что в эти важные и последние минуты или часы он будет думать о чем-то очень важном, последним для себя и это было в какой-то мере красиво...

И, к ужасу своему, сейчас он понимал, что ничего важного и достойного не приходит ему в голову, а бьется в голове одна мысль отчаянья, страшная и примитивная в своей простоте мысли.

– Когда же, когда?!

Но на лице была кислородная маска, и спросить он не мог, и другие изнемогавшие, и на немой его взгляд на иногда склонившегося над ним дежурного врача, тот только разводил руками и дежурно говорил автоматически выскакивающую из него фразу:

– Будем надеяться....

... Нет, это все было все-таки очень странно. Еще пять

дней назад Иван Петрович, старейший преподаватель университета, проработавший в нем почти пятьдесят лет и любимый студентами и коллегами, вместе с друзьями, с такими же ветеранами, после лекции собирались в маленькой аудитории, чтобы еще раз отрепетировать небольшой капустник, готовясь к юбилею университета.

Юбилей университета, который они когда-то создавали с нуля, был, им казалось, нормальной точкой их жизни.

– Вот отметим юбилей, можно и умереть, – шутили они.

Умирать Ивану Петровичу пришлось раньше. Умирал страшно, не красиво, в храпящей, стонущей палате инфекционной больницы, и в одиночестве. Ни кого не пускали.

Опять же, когда Иван Петрович иногда думал, как будет умирать, ему со слезами чуть ли не с умилением рисовалось, как он скажет жене те самые слова, которые он знал, что она всегда ждет, но почему-то не говорил. Откладывал, наверное, на потом, на тот особенный какой-то миг, когда уже нельзя не сказать. И дочкам, и внучкам, и слова то уже были придуманы...

И вот сказать-то их не кому. И они никогда не узнают, что он им хотел сказать.

Чума носилась над городом. Но в отличие от этой больницы, где были собраны жертвы этой незримой войны, жизнь в городе катилась своим чередом. И хотя все знали, что по утрам носится чума – страшная смерть, это было как на вой-

не: идя в атаку под свист, летящих веером, пуль каждый солдат знает, что пули могут попасть в него, но каждый свято верит, что уж именно в него и именно сегодня пуля не попадет. Может быть завтра. А может быть – никогда. Ведь возвращаются же с войны и живыми ...

... Вот и в универсаме «Пятерочка» толпились, как всегда, покупатели, набивали тележки продуктами к ужину и вообще на неделю, и никто из них не думал – нужны ли они ему будут не только на неделю, но даже и на сегодняшний ужин...

Валя Петрова, кассирша универсама, привычно поднося движущиеся по ленте продукты к сканеру, так же привычно думала о случившемся утром, и опять же о привычном скандале с мужем, после которого оба хлопнули дверями, уходя каждый на свою работу.

И думая об этом, твердо, хотя и в который раз, решила Валя сегодня вечером разом изменить свою жизнь. Она приготовит ужин, вкусный ужин, который она готовила, может быть, только впервые годы их супружеской жизни, поставит на стол хорошую бутылку вина – вот муж то удивится! – наденет самое красивое и соблазнительное белье – где ж его взять-то?! Надо будет по дороге забежать в соседний магазин! – включить тихую музыку – опять же – где ее взять?! – и скажет пришедшему с работы – а может и не с работы! – мужу:

– Или мы будем каждый вечер проводить так, или уходи!

И найди жену, с которой ты будешь больше счастлив!

И конечно – какой же мужик устоит от бутылки вина, соблазнительной женщины в сексуальном белье и соблазнительной грудью, выглядывающей из декольте!

Дальше Валя перешла на бурную ночь любви и почему-то мысли ее сосредоточились на том, в каких позах и как сладко они все это будут делать!

... Девушка! Вы чек будете пробивать?! Грубо оборвал эти мысли неприятный старческий голос. Огромная старуха со сползающим на лоб платком стояла перед ней, а сзади нее переминалась злая очередь.

И Вале сразу стало вдруг как-то плохо. Но плохо ей стало, оказывается не от этого. Внутри вдруг прокатился волной жар, затошнило, и резко заболела голова. И Валя вдруг поняла, что ничего не может ответить этой старухе, что смутно видит даже чек, выползающий из аппарата.

Она уже не видела и потом не помнила, как стала постепенно сползать со стула, и поскольку никто не решился ее подхватить, свалилась на пол.

– У нее жар! Температура! Коронавирус! – крики заполнили магазин, пространство вокруг кассирши мгновенно опустело, из других касс, выключив аппараты, сорвались с мест кассирши, покупатели, стоящие к кассам, пугливо прижались к стенам, из своего кабинета через весь зал на всех парах мчался администратор.

– Без паники, ожидайте! Ну, заболел человек, с кем не

бывает! – кричала она, подбегая к кассе.

– Да вы скорую вызовите! – кричали ей из зала.

Страшная тень того, что висело над городом, но это висело в огромном пространстве, вдруг реально повисла в замкнутом пространстве магазина,

Администратор с помощью двух грузчиков, которым она тут же пообещала по бутылке, уволокли Валю в кладовку – в свой кабинет побоялась.

Испуганные покупатели спешно покидали магазин, многие даже побросали нагруженные доверху тележки.

Кассирши намертво отказывались возвращаться на свои рабочие места, требуя что-то немедленно сделать, чтобы не заразиться – с Валентиной в этот день контактировали все. А что делать?!

Скорая приехала через четыре часа. Магазин в этот день пришлось закрыть. Директор магазина за большие деньги устроил на следующее утро всему персоналу экспресс-анализ

в одной из лабораторий. Иначе все отказывались выходить.

... Пусть и черны в этот вечер были окна квартиры Валентины Петровой, не горели в них отблески свеч, стоящих на накрытом для ужина столе, не валялось в беспорядке разбросанное в порыве страсти так и не купленное сексуальное белье..., а чума умчалась дальше, нехотя погасив, только что придуманную мечту кассирши Петровой, которая возможно

счастливого изменила бы ее судьбу.

– Привет!

– Привет!

– Что делаешь?

– Выбираем модель фаты.

– Ты выходишь замуж?

– Угу!

– За кого?

– За тебя!

– А я согласен?

– Попробуй только сказать, что не согласен!

– А что тогда?

– Тогда выйду за Кольку. Чего фате зря пропадать!

– Я тебе выйду!

– А то что?

– А то убью Кольку! И тебя!

– Ладно, Свет, правда, чем занимаешься?

– Ну, правда, ищем с мамой модель фаты.

– А что, так сложно?

– Ну, это тебе не сложно – надел чистые трусы и – в загс!

– Прямо в трусах?

– Нет, без трусов!

– Света, еще раз скажешь про трусы, я сейчас к тебе домой
прибегу!

– Нет! До свадьбы – ни-ни! И думать не моги!

– Здравствуйте! А кто позавчера...?

– Тихо! Мама услышит. Все, заканчиваем разговор!

– Не, не! Светик! Давай поговорим!

– Дим! Это уже тридцать седьмой звонок за день!

– А ты что, считаешь?

– Да, отмечаю черточками. Специально листик завела.

– Зачем?

– Чтобы узнать, как ты меня любишь!

– Я тебя ужасно люблю!

– И я ужасно!

– Слушай, а зачем тогда мы женимся?

– Чтобы больше никого не любить ужасно!

– Надо подумать!

– Думай. Тебе, дорогая, осталось три дня! Может мне пока

фату отложить?

– Я тебе отлажу! Примерь любую! Лишь бы только скорей!

– Дим, а давай тогда я к тебе сейчас приеду!

– У меня предки дома.

– Но они, же сняли нам однокомнатную квартиру?

– Я же тебе говорил: ключ не дают до свадьбы!

– Дим! Я тебя ужасно хочу!

– Все! Еду!

– Даже не думай!

... Света выключила телефон, вздохнула и поставила в лежащей перед ней бумажке еще одну черточку.

Виктория Борисовна, сидящая в другой комнате, дожда-

лась этого момента и подошла к дочери.

– Света, может, ресторан из программы все-таки вычеркнем?

– Мам, ну ты что? Свадьба все-таки!

– Ну, ты понимаешь, что чума, пять десятков разных людей, сидят плечом к плечу! Ну, мало ли кто из них!

– Мам! Я сказала – нет! И приглашения разослали! Ты меня опозорить хочешь?!

– Ну, нет, так нет! Странно, что ты этой заразы не боишься!

– Если боишься, оставайся дома!

– А, вот так?! Ладно. Мы с отцом останемся дома! Веселитесь сами!

– Мамуль! Ну, ладно! Извини! Ну, поганый мой язык, ты же знаешь! Все будет хорошо. Не все же болеют!

...Ночь спустилась над городом. Спал в своей комнате Дима, передумав уже все мысли о завтрашнем дне, о наступающей жизни в которой они со Светой будут засыпать и просыпаться вместе, не выпуская друг друга из объятий, и даже получалось весело – не ходя на работу и в институт, а просто гуляя и сидя в кафе друг с другом целыми днями, целуясь где только и когда только захотят – а что?! имеют право! – и он будет срывать все цветы по дороге домой и устилать ими уже расстеленную и готовую к любви постель!

Спала и Света, и видела в счастливом сне их с Димой идущих почему-то по небу и далеко длинным шлейфом сыпа-

лись сзади на них цветы, собранные Димой, как их земная дорога...

Но почему-то – по небу... Чудные бывают сны.

... Утром ее трясло от озноба, в голове было мутно, градусник поставленный Верой Борисовной, показывал тридцать восемь и пять.

– Немедленно врача! – кинулась было к телефону Виктория Борисовна.

– Мама, не смей! – Света собрала свои силы в кулак, – просто переволновалась! Ну, может, еще и продуло где-то! Ничего, – она попыталась еще улыбнуться – до свадьбы заживет!

Как не сопротивлялась, Виктория Борисовна, решено было подождать до вечера.

Днем примчался Дима, уложил Свету на диван и не выпускал ее больше из рук. Температура не падала. Поздним вечером пришлось все-таки вызвать скорую. Которая несмотря на то, что Виктория Борисовна и Дима обрывали все телефоны, приехала скорая только под утро.

Врач, в костюме космонавта, послушал легкие, проверил уровень кислорода в крови, сделал экспресс анализ и, покачав головой, отрывисто бросил:

– В инфекционную!

И обратившись, к Виктории Борисовне и Диме, сказал:

– И всем советую немедленно сдать анализы. Чудес, зна-

ете ли, не бывает!

Томография, сделанная при поступлении в больницу, показала семидесятипроцентное поражение легких.

... Они соединились в своей жизни. Навсегда. И теперь уже вечно шли по небу. И шлейф из тех сорванных Димой цветов тянулся за ними, очерчивая их жизненную дорогу.

Господи, Оленька, наконец-то! – Мария Сергеевна открыла дверь, впуская внучку.

– Бабуль, ну ты же знаешь, мне родители не разрешают!

– Мария Сергеевна по привычке потянулась поцеловать Олю в щечку.

– Бабуля! Ты что! Предки боятся, что я однажды своим приходом тебя заражу, а еще и целоваться лезешь.

– Лезешь! – передразнила Мария Сергеевна, – с каких это пор поцеловать родного человечка, это «лезть!»

– Бабуля, ну извини! – Оля не выдержала и сама поцеловала бабушку

– Мы же все о тебе беспокоимся! Я эту заразу могу перенести бессимптомно, а на тебе она как скакнет! – Оля шуточно сделала прыжок к Марии Сергеевне.

– Ой, малашечка, моя! – вздохнула она, – скакнет, так скакнет! Мне ведь скоро так и так умирать, какая разница от чего?!

– Ну, так ты все-таки еще поживешь! – засмеялась Оля.

– А зачем? – пожала плечами Мария Сергеевна. – Сижу одна, вас не вижу, все мои оставшиеся подружки друг друга боятся, все по домам сидят! Так уж лучше, знать, что умрешь, но хоть с тобой наговориться!

Оля выросла при бабушке. Бабушка последние двадцать лет жизни прожила для внучки. Родители работали, вечерами хотели пожить своей жизнью и всю неделю Мария Сергеевна водила Олю в садик, забирала из садика, потом из школы. И только на ночь и на выходные родители забирали Олю домой, и то не всегда. Надо сказать, Мария Сергеевна была этим премного довольна, да и Оля тоже. Им было интересно друг с другом. Часами Оля с детства слушала рассказы бабушки о том, как жили раньше, про жизнь ее подруг, про то, кто кем стал.

Повзрослев, она так же часами обсуждала с бабушкой свои первые увлечения, свои конфликты с подружками, учителями, спрашивала и про «это».

Только ты родителям не рассказывай, что мы про «это» говорим, – предупреждала Мария Сергеевна.

– А почему?

– Потому что рано.

– А ты когда первый раз «это» сделала?

– Ну, примерно, как тебе, было... – смущалась бабушка.

– Ну вот! – победно заключила Оля.

Но на город налетела Чума. И умирали от нее в основном старики. И приносили им эту смерть на своих плечах в ос-

новном их дети и внуки, сами не зная об этом. Потому что чума эта была коварная – она вселялась в человека и неделями, затаясь, ничем не выдавала себя, но они в ней уже были и, человек разносил эту заразу всем, с кем общался.

– У тебя есть два выхода, говорили родители Оле, а была она в эту пору уже студенткой, – Или не тусоваться по кафе и компаниям, или все это время не встречаться с бабушкой!

– Почему?

– Чтобы ее не убить!

Оля не могла бросить ни одно, ни другое. Но бабушку бросить было нелегко.

О чем она ей честно и сказала.

– Не делай глупости, – ответила на это Мария Сергеевна. – Как это в двадцать один год бросить всю жизнь, сидеть во взаперти дома!?

– Ну, значит, к тебе не надо ходить!

– Не ходи. Тогда я умру от этого.

– Ну, бабушка! Я серьезно!

– И я серьезно.

На том и порешили.

... Через две недели Мария Сергеевна умерла.

На столе она оставила письмо:

– Олечка! Ты ни в чем не виновата. Я счастлива. И тебя очень люблю!

Какие странные и ненужные мысли лезли в голову, когда сознание возвращалось, и лежачая неподвижность вынуждала смотреть на эту голую лампочку под потолком.

– Неужели нельзя было разориться на плафон?! И это, черт возьми, министерская палата в номенклатурной больнице! – Думал Николай и тут же успокаивал свои мысли, – О том ли нужно было думать сейчас, лежа в кислородной маске под аппаратом искусственной вентиляции! Вопрос стоял о жизни и смерти!

– Но, ни о жизни, ни о смерти не думалось. Ни когда Николай не думал, что в эти, может быть, последние часы в голове будут какие-то бессвязные, мелкие, необязательные мысли.

В свои тридцать шесть лет Николай, казалось, достиг достаточно высоких вершин в своей области. Был уже заместителем министра в областном правительстве, и практически хозяином министерства. Известно ведь, что министр фигура, скорее политическая, что все реальные дела решает его заместитель, и служащие в его министерстве, знали, конечно, кто в доме хозяин.

Дорогу к этому своему положению Николай прокладывал после института ровно и быстро, но, конечно, через сложные связи взаимоотношений, интриг, в общем, вдруг подумал он в этот момент, жизни то он и не видел. Все думал, вот потом, когда все будет, всего добьется, сядет он спокойно и будет ездить в отпуска, колесить по загранице, жить летом на даче, проводить выходные со всей семьей, да мило ли чего, может

дать сложившееся обеспеченная жизнь!

Границу между этой и той жизнью он себе тоже определил – после сорока пяти!

Уже не молодой, но еще далеко не старый, в самом расцвете сил и желаний!

Чума решила иначе. Тридцать шесть и все! Успел, не успел – чуму не интересуется, это только ошибка, что все сам решает!

... Кто время от времени попадал в палату, Николай не понимал – все одинаково были в каком-то космическом одеянии, лица закрыты защитными козырьками, очками и респираторами. Голоса из-за респираторов тоже были одинаковыми.

Однако он догадался, что сейчас над ним склонился лечащий врач и помахал перед его глазами медицинской картой, и почему-то не радостным, ровным почти равнодушным голосом сказал:

– Все хорошо, кризис вы преодолели. Анализы показали, что воспаление пошло на спад.

Господи! как же хотелось схватить этого уставшего толи от жизни, толи от наполненной горем больницы за руку, жать ее благодарно, а еще больше хотелось задать ему кучу вопросов, главный из которых – жить я буду?

А также: когда это мучение кончится, что с ним будет потом, может ли он вернуться к нормальной жизни, или станет инвалидом?

Многое еще чего хотелось спросить, но не мог – кислородный аппарат не давал. Да и врач быстро ушел.

... Через месяц Николай привычно сидел на заседании областного правительства. Как обычно – министр в первом ряду за столом, заместители во втором, просто на стульях.

Скучно журчала речь докладчика, заседавшие чертили что-то в своих бумажках...

– Господи! Что я тут делаю?! – подумал вдруг Николай, – какой ерундой все мы здесь занимаемся! А жизнь проходит и идет она не в этих кабинетах, а там – в полях, лесах в мчащихся по дорогам автомобилях.

И вспомнил он эту голую мертво светящуюся лампочку под потолком больничной палаты, ожидание смерти, свои мысли о том, что так и не успел пожить...

Вернувшись с заседания в кабинет, он написал заявление, начинавшееся со слов «Прошу освободить...» подумал, потом размашисто поставил свою подпись и вошел в кабинет министра.

... А, Николай! – радостно поприветствовал министр, – а я уж сам хотел тебя вызвать. Видишь ли, какое дело – меня забирают в Москву. На повышение, стало быть, – улыбнулся он, – вот хочу губернатору на мое место предложить твою кандидатуру ... Ты как?

– Ну, что могу сказать Владимир Иванович?! – проговорил Николай – Благодарю за доверие! Постараюсь оправдать!

Листок с заявлением Николай судорожно смял в руке.

По стеклу ползли грязные капли дождя. Капли на самом деле были чистые, грязное было немытое с самой зимы окно и, попадая на него, дождь вбирал в себя всю эту прошлогоднюю грязь.

Открывать его и мыть Раиса Васильевна панически боялась. На улице, знала она, бушевала чума, и она, казалось, только и ждет, чтобы ворваться в комнату и заразить Раису Васильевну. И от этого уже никуда не убежишь, и смерть заставит ее лежать и ждать в этой наглухо закрытой квартире, дверь в которую открывалась только в избранных случаях, раза – два в неделю, когда сын привозил еду и забирал мусор.

Происходило это так. Сын ставил пакет с едой на лестничной площадке, звонил в дверь, Раиса Васильевна ждала пять минут, чтобы сын спустился на один пролет, глухо обвязывалась маской и зачем-то шарфом, мгновенно открывала дверь, схватывая пакеты и оставляя пакет с мусором, захлопывала дверь, он забирал мусор, и на этом выход на волю заканчивался.

Заразиться Раиса Васильевна боялась панически. Даже по телефону с сыном, невесткой и немногими оставшимися подругами она созванивалась редко, потому что казалось ей, даже через телефонную трубку через дырочки в микрофоне зараза могла проникнуть, пробегая по проводам, и все! И смерть!

Конечно, она понимала, что это перебор, что по проводам

зараза не передается, но поделаться с собой ничего не могла, и старательно, заклеила дырочки в микрофоне скотчем.

Восемь месяцев уже сидела она в своем заточении, и связь с миром была только через телевизор, который не приносил никакого утешения, наоборот сообщал все новые и новые цифры заболевших и умерших.

Тоска и страх носились в ее однокомнатной квартире, сам воздух, казалось, был густо насыщен страхом и ожиданием неизбежной смерти. Кроме того, просто от безысходности и скуки, хотелось иногда просто выть! И она выла, стараясь делать это тише, чтобы не испугать соседей за стеной.

.. Шли недели. И однажды ночью соседи все-таки услышали непрекращающийся вой, жуткий, истошный, перекрывающий, казалось, все звуки этой ночи.

Сын давно оставил соседям свой телефон, мало ли, что с мамой случится!

Вызвали сына. Сын вызвал скорую. Раису Васильевну отвезли в психиатрическую больницу.

Врач на немой вопрос сына развел руками:

– Тяжелая шизофрения. Учитывая возраст – не лечится. Заберете домой, или дайте согласие на госпитализацию?

Пришлось дать согласие. Трудно было представить, что все оставшиеся ей годы жизни мать будет выть в своей квартире, или в квартире их семьи.

Город спал. Чума вихрем носилась по опустевшим ули-

цам, выхватывая одиноких прохожих, врываясь в открытые двери баров и ресторанов, злясь видимо, что где-то люди еще продолжают веселиться, врываясь в форточки квартир стариков, выкашивая их за некие доблести, потому что свою жизнь они уже пожили, но зачем засорять эту и без того перенаселенную землю. И может быть, эти старики были ей благодарны, что не придется им умирать в мучительных долголетних болезнях, ходя под себя, или вынуждать детей выносить из-под них подгузники, а придется умереть вот так, практически сразу, сгорев за несколько дней...

К утру, чума приуслала и перед рассветом прилегла у подъездов, ожидая восхода солнца и первых выходящих их подъездов людей, чтобы схватить их и бешеным вихрем закружиться опять по улицам, собирая все новые и новые жертвы...